

— Отпусти! Да отпусти же ты, мать твою! Убирайся прочь! — Се Юньгуй отчаянно отталкивал навалившегося на него мужчину, но его сил перед этим человеком оказалось до смешного мало.

— М-м, больно, больно же! — Се Юньгуй вцепился зубами в плечо незнакомца, но всё было тщетно: тот продолжал своё дело, не обращая ни малейшего внимания на сопротивление.

Се Юньгуй поднял голову и встретился с ним взглядом. Алые глаза, искажённое безумием лицо, растрёпанные волосы, тяжёлое, сбивчивое дыхание — мужчина явно потерял рассудок. Неужели он под действием какого-то дурмана? Это было единственное, что приходило в голову.

Внезапно Се Юньгуй почувствовал, как по его ногам скользнуло что-то ледяное и чешуйчатое, а затем это нечто туго обхватило его пояс...

Глаза Се Юньгуя расширились от ужаса. Что это, черт возьми, за тварь?

Когда всё закончилось, Се Юньгуй, словно разбитая фарфоровая кукла, лежал в грязной пещере. Он медленно открыл глаза и тупо уставился в свод, с которого капала вода.

Черт бы всё побрал. Он, элитный наемник, оказался изнасилован каким-то типом. Да ещё и мужчиной. О, как же всё болит. Это что, крах морали или извращение самой природы? Испортить жизнь такому парню, как он.

Стоп. Погодите. Разве он не умер?

Се Юньгуй медленно начал осознавать: он действительно мертв. Две пули, пробившие грудь, падение с обрыва — шансов выжить не было никаких.

В этот момент в сознание хлынул поток чужих воспоминаний, и от невыносимой боли он забился в конвульсиях. Спустя долгое время поток иссяк: он переродился. В другом мире.

Обычно люди попадают в древние эпохи, становятся принцами, сыновьями богачей или великими воинами. На худой конец — просто людьми. Но он? Он попал в мир звероловцев. И не в тело знатного господина или героя, а в тело существа, которое даже человеком-то не назовешь — в полузверя, самца-лиса.

Се Юньгуй не находил слов. Пусть всё катится к чертям, он так устал.

Прежнего владельца тела звали А Гуй, и он был изгоем племени. Что значит изгоя? Это значит, что его презирали абсолютно все. Кто-то совершил ошибку — виноват А Гуй. Кто-то украл еду — снова А Гуй. Кто-то подрался — опять подставляли его. Все, от старых звероловцев до несмышленных детенышей, считали своим долгом пнуть его. Он был жалким мальчиком для

биться.

Почему его все обижали? Только потому, что он вечно ходил грязным, не следил за собой и молчал. Со временем это стало нормой. Его отец и мать бросили его сразу после рождения, и лишь жалость соплеменников заставила их бросить ребенка в общую нору для детенышей. В этой норе жили только мальчики, и Се Юньгуй был исключением — его там не жаловали.

Родители, бросившие его, закончили плохо: отца загрызли другие зверолюди, а мать увели силой. А самого мальчика объявили проклятым монстром, приносящим беды. В этом мире самки были на вес золота, но Се Юньгуй стал исключением из правил. Он почти не говорил, питался объедками, но каким-то чудом выжил. Повзрослев, он остался таким же чумазым и нелюдимым, превратившись в вечного козла отпущения.

А в этот раз какая-то самка обманом заманила его в пещеру, якобы чтобы найти еду, а сама столкнула его вниз, прямо в лапы к тому мужчине...

Собрав последние силы, Се Юньгуй на дрожащих ногах выбрался из пещеры.

А-а! Это просто катастрофическое начало! Он, элитный наемник, привыкший ходить по лезвию ножа, разве позволит так с собой обращаться? Он всегда платил добром за добро, а за зло — мекстью. Он никогда не был святошей, и никто из тех, кто его обидел, не уйдет от расплаты.

— Это что, А Гуй? — какой-то детеныш заметил его и подозрительно спросил.

Се Юньгуй посмотрел на группу малышек и промолчал. Хотя они и были детьми, но тоже немало его обижали. В прошлой жизни, если бы на него твякнула даже собака, он бы ответил ударом, не говоря уже об этих щенках.

Се Юньгуй присел, подобрал несколько камней и приготовился запустить ими в детей, но тут показалась группа самок. Он разжал пальцы, и камни упали на землю, словно ничего не произошло.

— О, А Гуй? Ты что, еще жив? — та самая самка, что столкнула его, смотрела на него с нескрываемым недоверием.

Се Юньгуй молчал, глядя на неё в упор. Самке стало не по себе, и она закричала:

— Чего уставился? Если бы ты не воровал мою еду, разве я стала бы тебя толкать?

— А-Хуа, не обращай на него внимания, он же монстр! — брезгливо бросила одна из самок.

— Точно! В нашем племени только ты даешь ему еду, а мы все его ненавидим!

— А-Хуа, не водись с ним больше, он принесет тебе несчастье.

— И правда, посмотри на него: грязный, взрослый уже, а ни один зверолоуд его не хочет. Вождь сказал, что на День обмена его продадут, чтобы купить соль. С этого дня он станет рабом.

— Хи-хи, вот и отлично! Наконец-то нам не придется больше с ним жить.

Се Юньгуй слушал их насмешки и холодно ухмылялся про себя: продадите меня? Ну-ну, ждите! Еще посмотрим, кто кого продаст!

Он вернулся в свою земляную нору. Да, именно земляную — это всё, что было у прежнего владельца. У него не было права жить в пещере, не было шкур для шатра, поэтому приходилось рыть яму в земле. На дне лежала сухая трава. Если не было дождя, жить было можно, хоть и душно. Но стоило начаться ливню, как всё превращалось в грязевое месиво. В такие ночи А Гуй сидел, не смыкая глаз, боясь, что нора обвалится и его заживо похоронит.

Се Юньгуй повалился на траву. Он был измотан до предела. Его тело болело, особенно в том самом месте, но сил на осмотр не было — нужно было восстановить хоть немного энергии.

Он проанализировал ситуацию: мир зверолоудей, где есть только зверолоуды и самки. Среди самок встречаются как женщины, так и мужчины-самки. Последние могут и работать, и рожать, но внешне они менее привлекательны, поэтому их статус ниже. Но в целом они ценятся, так как самок в этом мире мало, и все они обладают способностью к полувзвериному превращению. Мужчины-самки, говоря современным языком, — это гермафродиты. И Се Юньгуй оказался именно таким.

<http://bllate.org/book/20336/2031431>